

Н.Н. Левина, С.В. Шеянова

Жанровая парадигма малой прозы Е. Четвергова

Аннотация. В современном мордовском литературоведении в контексте общих историко-литературных проблем очевидной становится необходимость скрупулезного разноаспектного изучения творческой деятельности наиболее ярких мастеров слова, не только демонстрирующих богатство национально-художественного дискурса, но и вносящих определенный вклад в российскую словесность. Данная статья посвящена изучению жанрового состава малой прозы Е. Четвергова, развившего эпические традиции мордовской прозы в традиционных жанрах, выступившего новатором в разработке синтетических жанрово-стилевых проектов, отражающих ментальное сознание и авторскую концепцию мира и человека. Актуализированный авторами жанровый подход (инициированный в работах М.М. Бахтина, Н.Л. Лейдермана, Г.Н. Пospelova, Н.Д. Тамарченко и др.) не только позволяет раскрыть многогранность творческой индивидуальности писателя, но и продуктивен в плане определения общей картины эволюции историко-литературного пространства Мордовии, функционирования жанровой системы, объективной оценки современного состояния и стратегии отдельных жанровых форм в их национально-художественном своеобразии.

Ключевые слова: малая проза, парадигма, жанровая модель, прозаическая миниатюра, биографический очерк, путевые заметки.

N.N. Levina, S.V. Sheyanova

Genre paradigm of small prose by E. Chetvergov

Abstract. In the modern Mordovian literary study in the context of the common historical and literary problems it becomes evident the need for scrupulous multidimensional study of the creative activities of the most outstanding masters of the word, not only showing the richness of the national and artistic discourse, but also making certain contribution to Russian literature.

This article is devoted to the study of genre composition of flash fiction by E. Chetvergov, who developed the epic traditions of the Mordovian prose in the traditional genres, who was a pioneer in the development of the synthetic genre and style projects reflecting the mental consciousness and the author's concept of the world and man.

The authors have updated the genre approach (initiated in the works by M.M. Bakhtin, N.L. Leiderman, G.N. Pospelov, N.D. Tamarchenko, etc.) not only can reveal the versatility of the creative personality of the writer, but it also is productive in terms of determining of the overall picture of the evolution of the historical and literary space of the Mordovia Republic, the functioning of genre system, an objective assessment of the current status and strategy of individual genre forms in their national and artistic originality.

Key words: flash prose, paradigm, genre model, prose miniatures, biographical sketch, travel notes.

Мордовский литературный процесс рубежа XX–XXI столетий характеризуется «стремлением к познанию не столько сути социальных явлений, сколько внутреннего мира человека и духовного опыта народа в целом» [1, 123]. Именно этим обусловлены свидетельства о «семантическом

обновлении современного национального литературного дискурса» [2, 12] широта тематического репертуара, демократизм стиля, освоение новых жанровых форм и средств образности, осмысление положений, не укладывающихся в традиционные концепции, способность к полноценному художественному

видению прошлого и настоящего, актуализация вопроса о национальной сущности и этнической идентичности эрзян и мокшан. Данный круг вопросов находит реализацию как в крупных жанровых формах, так и в малой прозе, наиболее способной к формотворчеству, коммуникативной, динамичной, фиксирующей события действительности и изменения в психологии современного человека, жанровую парадигму которой составляют рассказ, миниатюра, эссе, очерк, литературный портрет, биография, зарисовка, мемуары, путевые заметки и т.д.

Особая роль в развитии национальных традиций малой прозы принадлежит Е. Четвергову, стремящемуся разносторонне осмыслить «необъятную жизнь, причудливые изгибы и повороты человеческой психики, ее глубокую взаимосвязь с внешней средой, проследить развитие мыслей и чувств героев во всем их многообразии и непосредственности, выявить подробности изменения характера не только под определяющим воздействием среды, но и в результате устойчивого, самостоятельного внутреннего развития» [3, 123]. Художественная манера прозаика отличается удивительным переменением экспликации ментальных нравственно-этических констант и бунтарского авторского «я», что вызывает живой интерес к его произведениям, составившим определенную жанровую парадигму: миниатюра – очерк – путевые заметки – повесть в рассказах – повесть – роман воспитания – эпистолярный роман.

Произведения сборника «Сиреневая луна» [4] четко вписываются в традиционную структурно-жанровую модель лирической миниатюры. Жанровая чистота миниатюр проявляется «в господстве лирического начала и соответствующего ему типа повествования от первого лица, в избегании диалогической речи, в последовательном использовании соразмерных, небольших по объему, строф» [5]. Нередко произведения Е. Четвергова принимают форму откровения, признания, размышления, монолога автора о смысле жизни, взаимосвязи человека и мира, нравственных ценностях. Характерными для них становятся «открытость авторского «я», его эмоциональность, взволнованность,

непосредственность переживаний, острая потребность в читательском сопереживании» [6, 106], что «размывает» строгий фабульно-композиционный контур текста, придает ему определенную произвольность.

За основу композиционной организации книги «Сиреневая луна» взяты годовые циклы: «Весенние мотивы», «Откровение лета», «Под тихий говор листопада», «Вышивки метелицы». Времена года – один из ключевых сегментов художественной образности – являются традиционными как в русской, так и мордовской литературе. Данный мотивно-образный кластер полифункционален: выступает в качестве сюжетобразующего начала, приобретает значение символа (к примеру, смена времен года перекликается с быстротечностью человеческой жизни и т.д.), выстраивает психологические соответствия между состоянием человека и природы, становится проводником экзистенциальных интенций (грусть, тоска, одиночество, разочарование и т.д.).

Природа в книге «Сиреневая луна» предстает обителью человечества, загадочным и беспредельным миром, живущим по своим законам. Справедливости ради следует указать, что в анализируемом сборнике природа редко рассматривается в связи с социально-экологическими проблемами действительности, преимущественно она предстает как эстетический объект, но вместе с тем образы живой природы несут существенную философскую и нравственно-этическую нагрузку. Авторская мысль в книге «Сиреневая луна» в своем развитии, чередовании планов и мотивов неизменна в одном: в соединении непосредственных впечатлений от окружающей среды с идеей о единстве человека с природой, подчиненности их определенному ритму, нравственно-этическому влиянию природы на человека.

Согласно миропониманию Е. Четвергова, природа – живое, функционирующее персонафицированное существо, имеющее множество проявлений. Так, весна воспринимается «невестой года», которая «вступала в свои права робко, как бы стыдливо оглядываясь. Смущалась, видно, снежных запасов зимы. <...> Все не решалась невеста года.

Стеснялась чего-то...» [4, 9], куст черемухи видится «девушкой, стоящей перед родной матерью с опущенной головой» и роняющей «хрустальными горошинами слезы» [4, 12], береза предстает «чопорной холодной красавицей» [4, 34], остролистный красавец клен – «любящим мужем» [4, 33], сосна – «строптивой, но справедливой царицей» [4, 35], липа «нежной, женственной скромницей» [4, 35]. «У каждого жителя чаши свой нрав, но всех их роднит доброжелательность и красота», – резюмирует автор-рассказчик [4, 35].

В небольших по объему зарисовках прозаика воскресает живое течение жизни, обнажается повседневность во всей полноте разнородных и глубинных интенций, эксплицируется своеобразное ощущение окружающего мира. В миниатюре «Привет от Нептуна» в течении реки Суры автор видит черты, свойственные человеку и воспринимаемые как проявление характера. «...Нрав у Суры беспокойный. Вечно торопится! Стремится, знать, покинуть свои пойменные берега, то обрывистые, то покатые. Старается она вырваться из тесных объятий. Но тщетно – все остается по-прежнему, как было тысячи лет назад. <...> Река посуровела. С крутого ее правого берега откликнулась остатками листвы осина, зашуршала осока, не успевшая пожелтеть. ...Красотою Суры и ее берегов можно наслаждаться часами. При солнце видится она жизнерадостной, а в ветер – так насупит брови, оторопь берет» [4, 66–67]. Характерная для фольклорной поэтики персонификация живой среды коррелирует в данном случае с авторской поэтизацией природного универсума, создавая национально-эстетические, индивидуально-психологические, философские дискурсы.

Подробность описания в миниатюрах в сочетании с поэтичностью позволяют передать восхищенно-умиротворенное душевное состояние погруженного в созерцание окружающего мира рассказчика, создают обобщенно-символический образ природы, рожают емкий смысл о диалектическом единстве всего живого. «С холодных высот неба тихо сеется снег. Чернильная синь вечера видится от этого затянутой полупрозрачной тюлевой занавесью. Сквозь нее взирает одинокая, скупающая круглолицая луна. Поднял

на вечную странницу взор и удивился, увидел ее впервые... розово-сиреневой! Удивительно! То она из-за черноты горизонта выплывает огромным зловеще-малиновым шаром, то из звездного окружения смотрит, не моргая, голубым шеголеватым серпиком. Примечал «любви помощницу» радостной, унывающей, чем-то озабоченной, видел желтой, оранжевой, алой. Даже как-то застал ее легкомысленно прыгающей по гребням ею же посеребренных облачков. Всякою ее встречал, но вот сиреневой...» [4, 82]. Подобные пейзажные зарисовки провозглашают неразрывный союз человека с природой, создают философский аспект осмысления этих взаимоотношений, эксплицируют как традиционно-национальное поэтическое мироощущение, так и общечеловеческие эстетические доминанты.

В миниатюре «Корни» узел сложных чувств и ощущений выражается не только в эмоциональной монологической речи, рефлексизирующее сознание героя воскрешает эпизоды прошлого (картины детства), автор эксплицирует психологические мотивы «возвращения» к корням, первоистокам: «Может, это затаенное в душе желание смотреть и видеть окружающее глазами детства? <...> Давным-давно свой угол, семья, а пересилить себя и сказать как-то иначе – не могу. Домой, домой!» [4, 86]. Сегодня своевременными и одновременно болезненными осмысливаются задаваемые им вопросы: «Отчего, почему угасают и покрываются пеплом очаги? Куда относит жизнь струю, способную оживить их? Что возрастет в душе вместо материнской любви к кормилице-земле? Чем заполнится возникшая в ней пустота?» [4, 88]. В данном случае, на наш взгляд, социально-бытовая проза выходит на границы философской, для которой характерен обостренный интерес к «извечным» метафизическим проблемам.

Е. Четвергов развивает взгляды на окружающую среду, способы ее познания как условие духовного совершенствования личности. Яркие краски и тона, гамма разнообразных звуков, пьянящие запахи – не только средство возвеличивания родной природы, но и способ раскрытия психологического состояния автора-рассказчика, анализа его интенций,

мотивов поведения. В художественной концепции прозаика (миниатюры «Мечта об алом цветке», «Полуденная звезда», «Кто за чем...», «Отчего?», «След доброты», «Самозабвение» и др.), личность, нравственно обогащаясь от общения с природой, получает способность существовать в гармонии не только в социуме, но и с самим собой.

В миниатюре «Суд совести» автор рассказывает нравоучительную историю о двух грачах-мастерах – «прорабе» и «строителе», занятых важным делом – обустройством гнезда. Вот только прутья для этого они таскали с другого гнезда, поэтому отношение автора к этим «мошенникам», «крохоборам», «мародерам», «пройдохам» однозначное. Завершить «стройку» грачам не удалось, «любители легкой жизни исчезли: то ли принудили их уйти, то ли сами улетели искать лучшей доли в других местах» [4, 10]. Через флористические, фаунистические, зооморфные, орнитальные образы становятся некими прообразами, посредством которых писатель ведет читателя к глубочайшим философским и нравственным прозрениям. Природа в творческом сознании Е. Четвергова – некое одухотворенное начало, вызывающее к гуманизму, соблюдению общечеловеческих нравственно-этических ценностей, преподающая мудрые уроки добра, взаимопомощи.

В большинстве своем миниатюры построены на разнообразных зрительных, слуховых, осязательных ощущениях, которые обладают не только эстетическими возможностями, но и влияют на созерцательное, чувственное пробуждение реципиента. Цветовые, звуковые, осязательные уровни дополняют друг друга, создают эффект целостности существования окружающей среды, «включают» читателя в пейзажный хронотоп.

Справедливо говорить о том, что автор дистанцируется от детального воспроизведения факта, социального явления, провоцируя в читателе множество разнообразных интенций, стремится познать внутренние пласты человеческого мироощущения. В ряд «бесконфликтных» его произведения сложно отнести, т.к. они непроизвольно заставляют размышлять, подводят к осмыслению «извечных» онтологических, гносеологических

проблем. Таким образом в миниатюре Е. Четвергова реанимируется глубинная взаимосвязь между индивидуальным (чувство, мысль отдельного человека) и общечеловеческим.

Анализ миниатюр Е. Четвергова подводит нас к заключению о том, что манера мирописания прозаика близка к лирической. Однако метафоричность писателя имеет особый характер, она не только воссоздает многообразие интенций, рождает глубокие ассоциативные связи, но и наполняет небольшие по объему произведения философским звучанием, подводит к осмыслению гносеологических и онтологических проблем бытия. В основе художественного метода писателя некое синтетическое начало, коррелирующее универсальные общечеловеческие коды и авторские представления о бытии.

В творчестве Е. Четвергова остро ощущается интерес к прошлому, «белым пятнам» национальной истории, демифологизации событий древности. В сборнике под двумя названиями «Эрзянь масторонть седейсэ (В сердце эрзянской земли). Имена их бессмертны» [7] в различных формах документальной прозы писатель реанимирует давно минувшие события, активно предлагает читателю свои версии ответов на вопросы: Кем были наши предки? Как они жили? Во что верили, кому молились? В произведениях Е. Четвергова возникает своеобразный архетип – потерянная родина. Прозаик, на наш взгляд, осознанно выбирает такую «архетипическую» схему, что позволяет ему наиболее точно выразить индивидуально-авторскую концепцию национальной жизни и осуществить художественный замысел.

В произведении «Сарлей – наша боль и гордость», написанном в форме путевых заметок, фрагментарно воспроизводятся события 1743 года, имевшие место в селе Сарлей Терюшевской волости, когда по указанию епископа Нижегородского и Алатырского Дмитрия Сеченова было сожжено языческое кладбище. Данный факт вызвал волну народного возмущения, что вылилось в восстание над предводительством Несмеяна Васильева, через несколько месяцев подавленное царскими войсками. В заметке перемежаются настоящее и прошлое. Оказавшийся

на месте исторических событий автор-повествователь словно становится их участником. Прием стяжания времен усиливает эмоциональность повествования, передает трагизм времени, позволяет автору и читателю объективно оценить роль восстания терюшевской мордвы в формировании национального самосознания и укреплении внутреннего духа народа. Сконцентрированное на воссоздании исторического факта документальное повествование наполняется авторскими размышлениями о нравственной силе, духовном богатстве предков эрзян, этнической памяти.

Оригинально освоен документальный материал в произведениях «Эрзамас был адом», «Здесь билось сердце Кузьмы», «Святая поляна. Репештя», «Большое Сеськино – колыбель великих людей», «Эрзамас. Горькие встречи», по жанровым характеристикам представляющих синтез путевых заметок и биографического очерка. Следует подчеркнуть, что порой Е. Четвергов предлагает свое видение (на наш взгляд, порой на уровне гипотезы) фактов, связанных с исторической судьбой эрзянского народа, собственные оценки личностей и интерпретации событий, которые не могут быть восприняты однозначно. Однако ценность его произведений – в познавательной их роли, побуждении к самоидентификации, осмыслению сущности этноса и национальной картины мира.

В заметке «Эрзамас был адом» автор реанимирует эпоху XVII века, историю Крестьянской войны 1670–1671 гг., неразрывно связывая с ней духовную жизнь исторических личностей. Справедливо говорить об антропоцентризме заметки: события действительности переданы сквозь призму личности, осознаваемой легендарной героиней, принявшей смерть ради интересов и свободы народа. Такой подход к изображению истории насыщает повествование психологизмом, идеями гуманизма, жертвенности. Писатель остается верен своей манере: реанимирование исторических фактов перемежается с авторскими оценками и размышлениями о связи времен.

Предваряется заметка чувством негодования автора по поводу утраты эрзянами своей идентичности, потери исконной веры, культуры. В ней встречаются прямые авторские

обращения, будоражащие читательское сознание: «...Где убиты и похоронены вставшие в 1670–1671 гг. на защиту Эрзянской земли повстанцы? Где лежат их останки? Более одиннадцати тысяч были убиты после пыток и надругательств! Не десять, не сто человек – одиннадцать тысяч!» [7, 20. Перевод подстрочный. Наш. – Н. Л., С. Ш.]. Известно, что крестьянские выступления были подавлены, мятежники наказаны. Арзамас того времени напоминал ад. В.А. Юрченков приводит свидетельство очевидца событий, иностранца: «Место сие являло зрелище ужасное и напоминало собой преддверие ада. Вокруг были возведены виселицы, и на каждой висели человек 40, а то и 50. В другом месте валялись в крови обезглавленные тела. Тут и там торчали колы с посаженными на них мятежниками, из которых немалое число было живо и на третий день, и еще слышны были их стоны. За три месяца... палачи предали смерти одиннадцать тысяч человек» [8]. Представленные Е. Четверговым описания Эрзамаса конца 1671 года близки к процитированным нами историческим комментариям. Прозаик не отказывается от натуралистических сцен, драматических деталей, что соответствует логике писателя-историка.

Справедливости ради следует сказать, что положенный в основу произведения документальный материал (статья В.Г. Короленко «Божий городок», «История России с древнейших времен» С.М. Соловьева, «Исторические сведения о городе Арзамас») не находит должного образного воплощения и творческой авторской переработки. Документальные источники не обнаруживают внутреннего стилистического единства, тем не менее способствуют воссозданию цельной картины прошлого, передают трагизм эпохи. На наш взгляд, основная установка автора – не столько сюжетная содержательность и хроникальное воссоздание пространственно-временного континуума прошлого, сколько осмысление связи времен, поиск этнической самобытности и национальных корней.

Тема Крестьянской войны 1670–1671 гг. продолжена в очерке «Эрзамасская Алена», в которой автор последовательно отвечает на вопрос: Кем была Алена? Русской или

эрзянкой? Прозаик не выстраивает собственную концепцию истории, опирается на обширный документальный материал, в частности «Сообщение касательно подробностей мятежа, недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным», книгу Е. Чистяковой и В. Соловьева «Разин и разинцы на мордовской земле». Ссылаясь на исторические источники, посредством монтажа Е. Четвергов представляет основные вехи жизни Алены. При этом в ряде мест автор словно вступает в полемику с историками, логично аргументирует свои предположения, акцентирует внимание на важных упущенных деталях: возраст старицы, время ее крещения, история ее предков, национальность близких и соратников по борьбе и т.д., что способствовало бы реалистичному воссозданию облика национальной героини Алены Арзамасской.

Документальные произведения Е. Четвергова могут оцениваться как художественное

«свидетельство» определенной исторической эпохи. Прозаик осмысливает этнические коды в контексте российской истории и культуры, что придает его очеркам и заметкам масштабность. Бесспорно, автор-повествователь открыт для читателя, он идет на прямой контакт с ним, рассчитывая на его отклик, активную позицию в процессе обсуждения модели национальной жизни и истории.

В творчестве Е. Четвергова выстраивается определенная парадигма малой прозы. Справедливо говорить о приверженности писателя к ряду приоритетных для него жанровых форм – лирическая миниатюра, биографический очерк, путевые заметки. Естественно, двумя проанализированными сборниками талант прозаика не ограничивается, в распоряжении исследователей – огромный художественный материал, изучение которого значительно расширит представленную нами систему.

Литература

1. Каторова, А.М. Основные направления развития мордовской литературы в начале XXI в. [Текст] / А.М. Каторова // Вестник НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2013. – № 1 (25). – С. 122–131.
2. Антонов, Ю.Г. Рецепция традиционной обрядовой культуры в литературном дискурсе Мордовии [Текст] / Ю.Г. Антонов, С.В. Шеянова // Вестник угроведения. – 2016. – № 2 (25). – С. 7–13.
3. Шеянова, С.В. Обогащение традиций национальной психологической прозы в романе Е. Четвергова «Тесэ ды Тосо» («Здесь и Там») [Текст] / С.В. Шеянова // Финно-угорский мир. – 2013. – № 4. – С. 123–124.
4. Четвергов, Е. Сиреневая луна [Текст] / Е. Четвергов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1989. – 94 с.
5. Орлицкий, Ю. Большие претензии малого жанра [Электронный ресурс] / Ю. Орлицкий // Новое литературное обозрение. – 1999. – № 38. – Режим доступа: URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/38/orlic.html> (дата обращения: 15.11.2016)
6. Левина, Н.Н. Жанровая специфика мордовской лирической повести (на примере творчества Ю. Кузнецова) [Текст] / Н.Н. Левина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2015. – № 5. – С. 105–109.
7. Четвергов, Е. Эрзянь масторонть седейсэ (В сердце эрзянской земли). Имена их бессмертны : путевые заметки, очерки [Текст] / Е. Четвергов. – Саранск: [б.и.], 2007. – 86 с.
8. Юрченков, В.А. Мордовский народ: вехи истории [Текст] / В.А. Юрченков. – Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Т. 1. – 2007. – 460 с.

References

1. Katorova, A.M. *Osnovnye napravleniya razvitiya mordovskoj literatury v nachale XXI v.* [The main directions of development of the Mordovian literature at the beginning of the XXI century]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordovija* [Bulletin of the Scientific Research Institutes of Humanities at the Government of the Republic of Mordovia], 2013, no. 1(25), pp. 122–131.

2. Antonov, Yu.G., Sheyanova, S.V. *Recepcija tradicionalnoj obrjadovoj kul'tury v literaturnom diskurse Mordovii* [Reception of traditional ritual culture in the literary discourse of Mordovia]. *Vestnik ugrovedenija* [Bulletin of Ugric studies], 2016, no. 2 (25), pp. 7–13.
3. Sheyanova, S.V. *Obogashhenie tradicij nacional'noj psihologicheskoy prozy v romane E. Chetvergova «Tesje dy Toso» («Zdes' i Tam»)* [The enrichment of the national traditions of psychological prose in the novel «Here and There» by E. Chetvergova]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric world], 2013, no. 4, pp. 123–124.
4. Chetvergova, E. *Sirenevaja luna* [Lilac moon]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1989. 94 p.
5. Orlitskiy, Yu. *Bol'shie pretenzii malogo zhanra* [Large claims of the small genre]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 1999, no. 38. (In Russ.) Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/38/orlic.html> (accessed November 15, 2016).
6. Levina, N.N. *Zhanrovaja specifika mordovskoj liricheskoj povesti (na primere tvorchestva Ju. Kuznecova)* [Genre specificity of Mordovian lyrical story (on the material of Y. Kuznetsov's creativity)]. *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State University of Humanities], 2015. no. 5. pp. 105–109.
7. Chetvergova, E. *V serdce jerzjanskoy zemli. Imena ih bessmertny* [In the heart of the Erzya land. Their names are immortal]. Saransk: [w/p]. 2007. 86 p.
8. Yurchenkov, V.A. *Mordovskij narod: vehi istorii* [Mordovia people: Milestones of the history]. Saransk, 2007. 460 p.